

Татьяна
РЕБРОВА

ИЗ ЗЕРКАЛА ВЫЙДУ...

А л е т е й я

Татьяна Анатольевна Реброва

Из зеркала выйду...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49868042

*Из зеркала выйду...:
ISBN 978-5-907189-97-3*

Аннотация

Помимо того что стихи Татьяны Ребровой яркие и выразительны, помимо того что они характерно женские по своей сути, они еще и сугубо национальны в самом лучшем смысле этого слова, как национальны стихи Блока, Есенина, Цветаевой. Не потому, что в стихах встречается это уж как бы заповедное словечко «Русь», рябины да березы, кони да сани, а потому, что в них растворено нечто такое, что делает их русскими, только русскими и никакими больше. Просто любовь, женская любовь (дочерняя, материнская) органично переплавляется в строфах поэтессы с любовью к родной земле, с самой идеей родной земли, и это-то делает сплав золотым и весомым.

Содержание

Портфолио	8
«В утешенье сам Бог...»	10
...И скифскими подвесками алея	11
«И эра Рыб, как рыбка золотая...»	11
«Придумала?!»	12
«Пространство, время и звезда...»	13
«Всю себя, как злато в ноги...»	14
«Вы, голубоглазые мои...»	15
«С чего бы, как болотный огонёк...»	16
«Тихий свете – то душа берёзкина...»	17
«Разве не видно, как в пене оброк...»	18
«Кащей Бессмертный – время, времена.....»	19
«Фантом фиалки в позабытом томе.....»	20
Дело чести	21
«И всё-таки я знаю, кто допишет...»	22
«Ангел мой Хранитель! Я зимою...»	23
Чёрные дыры	24
«Кто он, кто я – не всё равно ли?...»	26
Секретный пассажир	27
«О, звёзды! Вы нам родственны по плоти...»	29
Русская тоска	30
«Не плачь! Ты дурак, не болван...»	32
«И вскинуты навстречу Небу дули...»	33

«Если б мне повезло и была б...»	34
Дурочка	35
Русь изначальная	36
«Бок о бок в церкви служба и ремонт...»	38
В полнолуние сквозь мои черты	39
«До последнего капилляра...»	39
Эзотерика	41
«У судьбы подол в пыли левкоя...»	42
Бог не грош	43
Тщеславие	44
В небе над раем	45
«По эту ль сторону иль ту...»	46
Золотой миллиард	47
Безумие	48
Шанс	49
Память сердца	50
«Ричард Бах и нитка лабрадора...»	51
Вечная любовь	52
«Благодарю, что мой звонок...»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Татьяна Реброва
Из зеркала выйду...

...и с фото сойду

Портфолио

Какою нравлюсь я тебе,
Какой твоей лишь снюсь судьбе?
На щёчке мушка сквозь вуаль
Иль с форсом ямочка и шаль?
Какою нравлюсь я тебе,
Какой твоей лишь снюсь судьбе?

По пояс водопад льняной
Иль взбитый пеной кружевной
Шиньон с жемчужиной-луной?
Какою нравлюсь я тебе,
Какой твоей лишь снюсь судьбе?

Шнуровка, шлейф, шифоны в пол
Иль колокольчиком подол –
Коленок яблочный прикол?
Какою нравлюсь я тебе,
Какой твоей лишь снюсь судьбе?

Принцесса Грёза босиком
В трёх сосенках над озерком
Я заблужусь – будь маяком.
Наш мир, как в горле слёзный ком

Иль модный бренд – бред не о ком,
Лох – сирота под каблуком?
Какою нравлюсь я тебе,
Какой твоей лишь снюсь судьбе?

«В утешенье сам Бог...»

В утешенье сам Бог
Понаставил заплаты
Бриллиантовых звёзд
На рабочие, в пепле, халаты,
В которых продрог.

Он хотел, чтоб я это учла.
Я учла.

 Как на счётах в конторе
Костяшки, гремела слеза
По старинке, без проволочек
И претензий, и всё же под *баю-баю*
Посетить бы ещё хоть разочек
Шар Земной – голубой мой цветочек,
Незабудку мою.

...И скифскими подвесками алея

«И эра Рыб, как рыбка золотая...»

И эра Рыб, как рыбка золотая
Хвостом плеснув и чешуёй блистая,
Нырнула в Космос.

Время на мели.

Ещё пусты кувшины Водолея,
Но будь умна. Припомни Галилея
И Соломона. Мочки проколи,
Чтоб скифскими подвесками алея,
Встать на востоке Неба и Земли.

«Придумала?!»

Придумала?!

Взгляд – взрыв! И взгляд – любовь.

Придумала?!

Я кольцом вскину бровь.

А как же тот, первоначальный,

Божий? —

Спит чернокожий

Космос, в профиль схожий

С поэтом русским – родственная кровь.

«Пространство, время и звезда...»

Пространство, время и звезда,
Как винт из шестерён Вселенной.

Была коленопреклоненной,
Молящейся, любимой. Да!

Но с пылью пошлости со слова
Пыльцу таинственности сдуть
Боясь, как и отнять повидло
У сироты,

 Я – Божье Быдло,
Не в храм, а в низшее сословье
Из вечности держу свой путь.

«Всю себя, как золото в ноги...»

Всю себя, как золото в ноги
Старшему, швырну тебе.
Крѣз в слезах, по вечерам
Свечкой полыхну в судьбе
Мира, словно рваный храм.

Что же в нём вы тасовали,
Чьими Лицами ва-банк
Шли, товарищ, сударь, панк,
Царь и псарь – элита швали!?

«Вы, голубоглазые мои...»

Вы, голубоглазые мои,
Не ревнуйте, разрешите вновь
Мне поднять с туманнейшей земли
Гроздью виноградную любовь.

Разорить позвольте погреба
Древние с вином коллекционным
Невостребованной страсти. Я – раба
Ваша милости прошу с поклоном
В ноги, исцелованные мной.
Нежность одуряющую помните?
Ну позвольте, чтобы мне, дрянной,
Вожденной, злой взметнули в комнате

С кружевами нервными, неровными
Юбки,
чей присборенный подол
Ахнет! И осыпется на пол
Вашиими записками любовными.

«С чего бы, как болотный огонёк...»

С чего бы, как болотный огонёк,
Ваш поцелуй? Чуть плечико-то к мушке
Привыкло, оп! Уже серёжка в ушке,
Гостинец на ладошке, перстенёк
На пальчике и ах! тату на шейке.
С лихим вопросом, видно, гостенёк,
Пожаловали к ворожейке.

«Тихий свете – то душа берёзкина...»

Тихий свете – то душа берёзкина
Всё струится из села Федоскино —
Вдруг поманит, промелькнув, узор.
И простор затянет,
как воронка,
И меня, и лес, и воронёнка...
Гибельный для недруга простор.

Весь его,
 как нервы,
 пронизали
Мороки мои, мои печали,
Радости мои, моя беда. —
Тронь меня на городском вокзале,
Ну а вздрогнет ведьма у пруда.

«Разве не видно, как в пене оброк...»

Разве не видно,
как в пене оборок,
Выплеснутых из юродивых створок,
Что называются трельяж,
Робко ворую из детства грильяж?

Всхлипну среди мандариновых корок
С фантиками в кулачке,

антураж

Я не испортила бы – барокко
Буклей на фото семейных и мокко,
Пар над которым чудит, как мираж.
Ангел Хранитель – мой верный страж
Просит за глупую Господа Бога
Лично, а не богословский вираж
По интернету,
и цвета Ван Гога
Сферы небесные, их арбитраж.

«Кашей Бессмертный – время, времена.....»

Кашей Бессмертный – время, времена...
Но Ангел скажет, скажет! Не забудет,
Что времени-то больше и не будет.
Презренье женское и Божья месть.
Читайте сказки. Там всё это есть.
И сам Иван, к тому же, откровенен.

Какая по щеке твоей Луна
Скатилась в мир. Для мира это честь.
Кашей Бессмертный пошл, влюблён, обыкновенен.

«Фантом фиалки в позабытом томе.....»

Фантом фиалки в позабытом томе...
Любить, а целовать при этом, кроме
Камеи некого.

О, звёзды! Вы плутовки.
Заманивая плещетесь в судьбе,
Как золотые рыбки, воскресите
Хоть этих двух, но лишь по их мольбе,
Без умыслов чужих, без подтасовки
Во имя высших благ, не в параллельных
Мирах – они и так живут в отдельных
Обителях.

О, эти дыры в сите
Пространства, где Господь столь молодой
И столь неопытный, коль с нами-то сравните.

«И всё-таки я знаю, кто допишет...»

И всё-таки я знаю,

Кто допишет

Во сне строку: «Ну тоже мне, бином

Ньютона. Спи!» И... Колыбель колышет

В двадцатом веке. Вот оно! В одном

И том же Космосе все времена, как в горстке

Жемчужины. – И с бантиком на шёрстке

Мой манной кашей вымазанный гном,

И манною небесной строчка в вёрстке.

«Ангел мой Хранитель! Я зимою...»

Ангел мой Хранитель!

Я зимою,

Чуть звезде зажечься, хлев помою,

И соломой застелю янтарной

Струганные ясли, и с базарной

Розою лазоревую шаль

На твою холщёвую одежду

Так накину,

чтобы стало жаль

В Космосе Галактику – спираль

ДНК, и паперть, и ладошку

Детскую, и то, что понарошку

И на час волхвы в её Грааль

Медь с отливом красным льём, как в плошку.

Ангел мой!

Прими мою печаль.

Чёрные дыры

И в одну мою минуту
Многогодовую смуту
С чуть затепленной берёзкой
За крестьянскую повозкой
Босые, в тряпье холщёвом
Прошагали храмы в сирых
Сумерках.

О чёрных дырах
Что же я скажу ещё вам?

Раньше б звали роковой:
Мол, провинция и тон
Здесь дурной, и полковою
Музыкою гарнизон
Колдовал бы, и меня
Бросил бы потом военный
В нищете обыкновенной,
Обобраз средь бела дня.

Жаль без исповеди жулик
Под частушки пуль-свистулек
Ляжет средь Бородина,
Где в угаре моветона
Будет рвать с Багратиона
Революция Акулек

Золотые ордена.

«Кто он, кто я – не всё равно ли?..»

Кто он, кто я – не всё равно ли?

Вот встану вдруг и прошумлю

Царёвым кружевом,

а коли

Мы отсвет слова – тьфу пистолы,

И нам лететь в легендах голи

Орлом двуглавым – форты, дроли

По неразменному рублю.

В крученье фиг, столов и полек,

Что ни эпоха – мифоголик,

Один и тот же вещий сон...

И всё ж во время,

испокон

Времён из вен земных племён

Истёкшее

и в остальное

Не к ночи будь помянут он

Иль я, под платье кружевное

Запрятавшая стих и стон.

Секретный пассажир

Как угли отгоревшего костра,
Века не обожгут,

и мародёры

Истории срывают лабрадоры —
Бессонные, с мистической окраской
Каменя ночи с мёртвой Амен Ра.
Ей и живой дарили их с опаской.

Чужую всем, в чьи земли продадут
Братве по духу, скареды, торговцы,
Альфонсы, плебс – и замертво падут
У пирамид, как жертвенные овцы.

О, бедная принцесса Амен Ра!
Мы каждая о собственном Египте.
И наши слёзы цвета серебра
Бесценной мишурой на манускрипте.

И скрипнет иероглиф, как кровать.
Ну хоть все морионы с шеи ссыпьте
Себе в кошли, не вам расшифровать,

Зачем нарядной ночью,
словно пряник,
Я детский сон жую, и заурядный

В своём великолепии на дно
Идёт со мной – иного не дано —
Сработанный мужчинами «Титаник».

«О, звёзды! Вы нам родственны по плоти...»

О, звёзды!

Вы нам родственны по плоти.

Как партитуру перед Паваротти,

Вы перед нами держите листок

С перипетиями судьбы, её заданьем.

Так значит, и по духу, и сознанием

Нам родственен божественный ваш ток.

Всё было вроде без утайки —
Он видел всё, что видеть мог.
И всё же чем-то вроде пайки
Простор валяется у ног.
И он дурит на балалайке,
Когда не чинит свой сапог.

«Не плачь! Ты дурак, не болван...»

Не плачь! Ты дурак, не болван.
Твой мир не театр, но кустарный,
Базарный, как пряничный конь, балаган.
Ты знаешь, я видела, как
Смеялся сам Бог лучезарный.

А то, что прожгли твой колпак
Лоскутный да ярко-радужный
Бубенчики звезд?! Это, милый, судьба
И золотом платит – ишь, венчик у лба...
О, Господи Боже, взаправдашный!

Дурочка

Первоначальный-то взрыв раз, два!
Взять и загнать в исходную точку.
Да и начать бы первую ночку,
Как начинают ночь Рождества, —
С первой звезды, что серьгою в мочку
Вдета, и люди целуют в щёчку
Божию Мать по законам родства.

Русь изначальная

Ты в женщину под полушалком
Заштопанным взглядишь,
она

Так робко тянется к фиалкам,
Что я до плача смущена.

Ты ей воздвигни дом,
чтоб сыну,

Когда разлюблен тот и нищ,
Она б кивнула на рябину
И на родник у корневищ.

Что на развалинах уместно
Как вздумается толковать,
То в доме заново и честно
Нам надо перегоревать.

Под скрип вселенских шестерёнок,
Вращающих созвездья,
ты

Воздвигни дом, где б спал ребёнок,
Что ваши повторит черты.

Вот камень, трепетный от фресок,
С которых на исходе дня

Уводит воин в перелесок
Поить крестьянского коня.

«Бок о бок в церкви служба и ремонт...»

Бок о бок в церкви
служба и ремонт.

И нет икон
лишь в окнах чудотворный
Лик Родины – просёлки, горизонт
И над колодцем ковш нерукотворный.

Слезой и воском шаль орошена
Под общий возглас о насущном хлебе,
И церковка со всеми нами в небе,
Как в озере, сейчас отражена.

А небо плещет над любой избёнкой,
Над каждым непокрашенным крестом,
Так значит и на кладбище пустом
Горит моя свеча перед иконкой,
Горит перед рябиновым кустом.
Горит...

В полнолуние сквозь мои черты

«До последнего капилляра...»

До последнего капилляра,
До последних своих обид
Я видна со всех точек Земного Шара,
А не только с его пирамид.

Как вперёд, я не знаю, и как назад
Оглянуться?

Лишь тянут пальцы

Убиенные, дурни, скитальцы,
Темногривы и светлорусы.
Да еще просит мать нанизать
Ей последние в жизни бусы.

Это веет с Кассиопеи
Свет превечный иль то тупеи
На чиновниках,

словно столетья

И не минули, выются зело?
...Продолжается гибель Помпеи
Не страшней, чем горит село.
Наши слёзы из глаз камней

Эзотерика

Владимиру Дм. Цыбину

Юбок шёлковый шум
И духи «Лу-Лу» —
Привкус Востока и глаз моих прикус
В их прозвище.
Не дай Бог, на ум
Кому взбреду – ёрш в бокале вселенной,
Из пирамиды судьбы Проклятое сокровище.

По какому такому разуму
Вы мне братья таскающей кирпичи
На смоленском погосте
В мундире полковника?
Вы говорите раз уму,
А я продолжаю до трёх у церковной свечи
И бесконечно
От поклонника до поклонника.
Кошками Египта не запланированы
Государства на моей территории.
Лишь слезами и бусами
Иллюминированы
Памяти монастырь и театр истории.

«У судьбы подол в пыльце левкоя...»

У судьбы подол в пыльце левкоя.
Ни на грамм ни сна и ни покоя.
Говорят, стихи сродни псалмам.
Значит, я сродни царю Давиду.

Ну а эта странная Мадам,
Чей подол в пыльце левкоя,
Сдачу
Не берёт по рынкам и удачу
На коне догонит, перелив
На подковы серебро слезинок. —

Словно лунный блеск бандитских финок
Иль из Чудова сбежавший инок,
Эта ночь и шёлка перелив.
– На орудиях! На струнных! Поединок!

Тщеславие

Всякий узор своей жизни плети из небесных нитей.

Святитель Николай Сербский

Уймись!

На что ему земные царства?

Ты только лишь молитву сберегла,

А Он запомнил все твои мытарства.

Безумная, ты лишь просить могла, —

Он из сословья слуг, а ты из барства

Интеллигентного!? Да радуйся, что очередь

Сегодня к чёрту,

что изнемогла

Ты от брезгливости и не о кого очи греть,

А то бы ты и чёрта запрягла.

В небе над раем

Да кто решил, чтоб я! я набрела
Я! на серебряный лук Феба.
Но этот лук рисуют звёзды неба
В день моего рождения.

Стрела

Уже готова с тетивы сорваться.
А наконечник!

Надо ж расстараться

Кому-то было: Чёрная Луна —
Лилит!

И у кого, скажи, брала,
Красавица, секретный адресок
Моей судьбы? Потупилась она.

В бокале Люцифера белена,
Её дурманящий, как старина
Дешёвых украшений, сок.
А ты, его любовница, вина
И не пригубила в тот вечерок.

«По эту ль сторону иль ту...»

По эту ль сторону иль ту
И в чьей судьбе Морской Никола
Вздыхнёт,

 что я опять мету
Пол перед ним холстом подола?

Но что ни время – мой часок!
У эмигрантки из Харбина
Взяв душу,

 как дитя сосок,
Помешанная спит рябина.

А возле – штопаный носок,
Ещё кровоточит висок —
Без исповеди и причастья
И не у выцветших досок
Её судьба – и нет мне счастья.

Лишь на скатёрке тусок,
Да там,
 за ржицею,
 лесок —
Невинный символ соучастья.

Безумие

*Да не было бы меня, она давно бы уже в воду
кинулась. Потому и не кидается, что я... ещё
страшнее воды.*

Ф. М. Достоевский

Юродская, в лохмотьях речь есть ложь.
Ну ладно бы соломинка для сырых
И немощных. О, нет! Она, как нож
Дружков коварных, плаха для обманутых
Гигантов,

одурманенных и втянутых
В воронку нищих, мстящих за талант,
За бескорыстие, что не даны им с мига
Рожденья их, как этот лунный бант
Макушке неба иль офорт и книга
Поэту и художнику.

И шкурки
Великих судеб шелестят. Из них
Все соки вытянули хитрые придурки
с трибун и папертей.

Но... страшно мстит Жених
За колья в спицах царских колесниц,
И за... за пепел от Его Жар-птиц,
И даже! за блоху у Сивки-Бурки.

Шанс

Мой защитник заплакал.
Но с твоей стороны
Упустил бы ты, рефери, шанс
Указать, где сфальшивил прабабкин пасьянс!?
Род?! Он вымер.
Как в памяти мрут все нечёткие сны.
Я один из них – вещей.
И счёты со мной сведены.
Боевая раскраска моя – кимоно,
Папуасский узор:
Всё,
 что помнит ещё человечество.
Крылья вынесут. Но!...
Если физики с юмором кончат свой спор:
Оппонент мирозданию – вздор.
И помолится разом! отечество.

Память сердца

Словно ниточку золотую,
На которой и жизнь иногда висит,
Рыбку золота высшей пробы
Из любви и обиды выпрясти
Сообща удалось.

Как слезинка, блестит.

Не сгуби ради хлама, выпусти
В дикий Космос эту утопию.
Символ Эры Рыб.
И ещё!...
Закажи на Афоне копию.

Ветер у коня
В гриве...
для Родена.

«Благодарю, что мой звонок...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.